

Swetlana Mengel, *Berlin–Halle*
Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Светлана Менгель, *Берлин–Халле*
Галле-Виттенбергский университет имени Мартина Лютера
swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

К ВОПРОСУ О НАИМЕНОВАНИИ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ. ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается образование наименований женщин и мужчин в славянских языках с точки зрения возможностей языковой системы и их реализации в диахронном аспекте. Особое внимание уделяется вопросу выражения значения «мужскости» в контексте и при наличии материально выраженного значения «женскости».

Ключевые слова: существительные со значением лица, наименование женщин и мужчин, модификационное и мутационное словообразовательное значение, языковые стратегии и словообразовательные процессы в диахронном аспекте.

Введение

Начиная с конца XX века в связи с современными общественными социальными и политическими процессами — гендерной проблематикой, политкорректностью и др. — и отражением этих процессов в языке как в западноевропейских языках — особенно в немецком языке в Германии и Австрии (ср. [Hajnal 2002], [Fischer 2014], [Pohl 2016], [Schröder 2019], [Diewald & Nübling 2020], и др.), так и в славянских (ср. [Miemietz 1993], [Новицка 2006], [Григоренко 2008], [Właszowska: 2016], [Пристайко 2017], [Małocha-Krupa 2018], [Беркутова 2019], [Гурьянова 2019], [Кривошеина 2019], [Самойленко, Стекленева 2019], [Zifonun, Drewnowska-Vargáné 2019] и др.) наблюдается резкое увеличение наименований женщин, т. наз. «феминативов». Этот процесс вызвал живой интерес исследователей (см. выше). Естественным образом он не остался без внимания и в Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете

славистов, активным членом которой со дня ее основания является и наш уважаемый юбиляр — *Валентина Николаевна Виноградова*. Теоретическому осмыслению проблематики образования феминативов посвящен ряд работ членов Комиссии (ср. [Waszakowa 2021], [Markežič, Stramljič Brezник 2021], [Mengel 2022] и др.), она не раз живо обсуждалась на ее регулярных лекциях-встречах.

Так, в своей лекции «Tvorbeni lastnosti feminativov v slovenščini in možnosti za izdelavo specialnega slovarja» 27 октября 2022 года Ирена Страмлич Брезник представила исчерпывающий обзор образования феминативов в словенском языке, очертив перспективу создания специального словаря. Опираясь на труды словенских ученых, она показала, что с лингвистической точки зрения в плане словообразовательной семантики феминативы принято рассматривать как производные с *модификационным словообразовательным значением*. Такой подход представлен и в разделе «Словообразование» [Лопатин, Улуханов 1980: 200–204] в «Русской грамматике» [АГ 1980], где интересующие нас образования названы «существительными со значением женскости». С точки зрения формальной словообразовательной структуры можно выделить, однако, две модели: (а) феминативы, образованные от «наименований мужчин», т. е. находящиеся с ними в отношениях производности, ср.: слов. *uuitelj* → *uuitelj-ica* (сюда же, по нашему мнению, следует включить редеривацию — образование наименований мужчин от наименований женщин, ср.: русс. *доярка* → *дояр*, см. раздел 1) и (б) феминативы, которые по определению Й. Топоришича [Торогльи 1966] образованы от наименований мужчин путем замены форманта или его части, ср.: слов. *ded-iu* — *ded-inja*. А. Видович Муха [Vidovič Muha 1997] характеризует их как образования от одной общей производящей основы, ср.: слов. *boriti se* → *bor-ec*, *boriti se* → *bor-ka*; ср. русс. *неть* → *нев-ец*, *неть* → *нев-ица*, с чем, на наш взгляд, следует согласиться (см. раздел 1). Представленная Страмлич Брезник типология образования феминативов характерна не только для словенского, но и для всех других славянских языков, как справедливо отметила исследовательница. Одним из вопросов последовавшей дискуссии был следующий: Если существует модификационное словообразовательное значение «женскости», которое может быть выражено определенным формантом, то как и чем выражается значение «мужскости»?

Этот необычайно интригующий в аспекте обзорной лекции о феминативах вопрос, касающийся словообразовательной семантики и ее

формального выражения, побудил меня обратиться к рассмотрению образования в славянских языках не только наименований женщин, но и наименований мужчин в свете генезиса соответствующих словообразовательных явлений. Свои изыскания и размышления в этом плане я представила членам Комиссии по славянскому словообразованию в лекции 28 апреля 2023 года, которая и положена в основу данной, одноименной с темой лекции, статьи (см. также [Mengel 2022]).

Не заостряя внимания на социальной функции языка и отражении в нем современных социально-политических процессов, способствующих увеличению количества феминативов, я сконцентрируюсь далее на анализе возможностей языковой системы и реализации этих возможностей в диахронном аспекте.

В центре нашего внимания будут стоять наименования женщин и мужчин, т. е. наименования, обозначающие лиц как женского, так и мужского пола: в плане словообразовательной семантики — существительные с общим словообразовательным значением «лицо» (и его частными или «приращенными» значениями: «лицо по характерному действию, признаку, отношению к предмету и др.»); в плане формальной словообразовательной структуры — единицы, находящиеся как в словообразовательных отношениях производности, так и образованные от сепаратных основ. Для решения поставленной задачи мы ограничимся, однако, в последнем случае только однокорневыми производными — наименованиями женщин и мужчин, параллельно образованными от одной и той же производящей основы. В качестве иллюстративного материала (частично уже представленного в [Mengel 2022]) кроме праславянского и старославянского языков будут использованы, в основном, примеры из русского языка.

1. Обозначение лиц мужского и женского пола в истории славянских языков.

Языковые стратегии и словообразовательные процессы

Как известно, все языки мира независимо от наличия или отсутствия в них грамматической категории рода способны отражать биологическую категорию пола, в том числе называть женщин и мужчин, т. е. лиц женского и мужского пола, используя для этого лексические средства. Об этом свидетельствуют уже самые древние пласты лексики, в частности, наименования степеней родства ср.: ст.-сл. *mati* (< **mater-*), *отьць* (< *otikōs), *сынъ* (< *sūnūs), *дъшти* (< **dūtjer-*), *братъ* (< **bhrāter-*), *сестра* (< *sestrās); русск. *мать*, *отец*,

сын, дочь, брат, сестра. В праславянском языке данные разнокоренные наименования различались принадлежностью к различным типам склонения: *мать* (ж. п.), *дочь* (ж. п.), *брат* (м. п.) — к склонению с основой на согласный; *отец* (м. п.) — к твердому подтипу склонения на **-ǫ/jǫ*; *сын* (м. п.) — к склонению на **-ǫ*; *сестра* (ж. п.) — к твердому подтипу склонения на **-ā/jā*.

Уже в раннепраславянский период для обозначения лиц мужского и женского пола использовались однокоренные наименования, для которых принадлежность к разным типам склонения служила единственным различительным признаком. Их мы также находим среди обозначения степеней родства, ср.: русск. *свекр* (м.п.) — основа на **-ǫ* (*svekr-ǫ-s > *svekrǫ* > *svekrǫ*): *свекровь* (ж. п.) — основа на **-ǫ* (*svekr-ǫ-s > им. п. *svekr-ǫ* > *svekrǫ*, вин. п. *svekr-ǫ-ǫm > *svekr-ǫv-ǫm* > *svekrǫvь*, вин. п. = им. п.); *тесть* (м.п.) — основа на **-ǫ* (*test-ǫ-s > *test-ǫ* > *testь*) : *теща* (ж. п.) — основа на **-jā* (*test-jā-s > *test-jā* > *teš'а*); но не только, ср.: ст.-сл. *рабъ* (м. п.) ‘работник’ — основа на **-ǫ* (*orb-ǫ-s > *orb-ǫ* > *orb-ǫ* > *rabь*): *раба* (ж. п.) ‘работница’ — основа на **-ā* (*orb-ā-s > *orb-ā* > *orb-а* > *raba*) и др. Т. е. тематические гласные основы — в наших примерах **-ǫ*/**-ǫ*; **-ǫ*/**-jā*; **-ǫ*/**-ā* — могли использоваться в качестве различных суффиксов при необходимости обозначить как лицо женского, так и лицо мужского пола, семантически связанные с общей производящей основой, от которой наименования обоих лиц производились параллельно.

С другой стороны, для обозначения лиц как женского, так и мужского пола могло использоваться одно общее наименование, обозначающее и женщину, и мужчину, ср.: ст.-сл. *сждия* (*sqditi → *sqdi-jā-s), русск. *рёва* (*reveti* → *rev-ā-s), *плакца* (*plakati* → *plak-s-ā-s). О древности этих наименований свидетельствует тот факт, что и для их образования могли служить тематические гласные основы (**-ā*), а также первичные (**-s-*) или новые суффиксы, еще не преобретшие специализации, ср.: ст.-сл./русс. *сирота* (*сирѣ/сирый* → *сир-ота*), ст.-сл. *убишца* (*убити* → *уби-шца*). Как известно, впоследствии суффикс *-ота* в сочетании с основами прилагательных специализируется на образовании абстрактных существительных со значением признака (т. наз. «синтаксическая деривация», ср.: русск. *добрый* → *доброта*, *красный* → *красота* и др.), а суффикс *-шца* используется преимущественно для образования наименований лиц женского пола (см. ниже). Общие наименования для лиц как женского, так и мужского пола использовались, очевидно, в тех случаях, когда нужно было обозначить лицо в общем при отсутствии принципиальной

необходимости отразить его пол (в отличие от *тесть* : *теща*, *свёкр* : *свекровь*). В современном русском языке эта лексико-семантическая группа, объединяющая «существительные общего рода», до сих пор продуктивна; входящие в нее наименования производятся как от исконных, так и от заимствованных производящих основ всех основных частей речи — прилагательного, глагола, существительного, ср.: русск. (*грязный* →) *грязнуля*, (*вообразить* →) *воображуля*, (*каприз* →) *капризуля* и др. Более того, эта лексико-семантическая группа способна интегрировать заимствования, ср.: русск. *коллега* — у нас появилась новая *коллега*; у нас появился новый *коллега* (ср.: она была *круглая сирота*, он был *круглый сирота*). Заметим в этой связи, что, например, в польском языке заимствование *kolega* обозначает только лицо мужского пола, тогда как для обозначения лица женского пола создан феминатив *koleżanka* [Słownik 2001: 84, 380].

Итак, уже в раннепраславянский период наименования женщин и мужчин, т. е. лиц женского и мужского пола, могли параллельно образовываться от одной и той же производящей основы с помощью отнесения их к различным типам склонения (т. е. тематических гласных) или первичных индоевропейских суффиксов *-v, *-j, *-k, *-t и др. В результате действия фонетических законов — прежде всего закона открытого слога и тенденции к палатализации согласных — в классический период развития праславянского языка происходит перестройка слоговой структуры слова, в результате которой формируются многочисленные новые суффиксы, обладающие бóльшим формальным и семантическим объемом, что ведет к развитию маркантной особенности славянских языков — разветвленной системе деривации с наличием многочисленных суффиксов, способных передавать различные значения и их оттенки [Mengel 2014; 2015; 2019]. Новые суффиксы открывают новые возможности для параллельного образования наименований лиц как женского, так и мужского пола от одной и той же производящей основы.

Очевидно, к одним из самых ранних таких новых образований следует отнести наименования лиц по принадлежности к определенному социуму, сообществу людей (народу, территории, группе единомышленников и др.), обозначаемому в языке наименованиями с суффиксом *-ан-е*, ср.: ст.-сл. (*градъ* ‘[огороженная] территория’ →) *граждане* (< *gord-jan-e) ‘сообщество людей, проживающих на территории города’. При необходимости обозначить отдельных лиц из этого сообщества используются еще достаточно индифферентные по значению суффиксы: *-ин-* (с общим значением единичности, ср.: русск.

один; *горох* → *горош-ин-а* и др.) — для обозначения (одного) лица мужского пола, и индоевропейский неспециализированный (каковым он, собственно говоря, остается в славянских языках и по сей день) суффикс *-к-* — для обозначения (одного) лица женского пола, ср.: ст.-сл. *граждане* → *граждан-ин-ъ*, *граждане* → *граждан-к-а*. (Заметим в скобках, что по этому образцу в современном польском языке создан выше упомянутый феминатив *koleżanka*, при отсутствии **koleżane* и **koleżanin*).

Данная бинарная модель наименования лиц мужского и женского пола по их общей «принадлежности» однокорневыми существительными, параллельно образованными от общей производящей основы, остается чрезвычайно продуктивной в славянских языках и по сей день, ср. в русском:

- (1) «лицо по территориальной принадлежности»: *южане* → *южанин*, *южанка*; *северяне* → *северянин*, *северянка* и др.;
- (2) в том числе наименования жителей конкретных городов, планет и т. п.: (*Ростов*) *ростовчане* → *ростовчанин*, *ростовчанка*; (*Нарым*) *нарымчане* → *нарымчанин*, *нарымчанка*; (*Марс*) *марсиане* → *марсианин*, *марсианка* и др.;
- (3) «лицо по национальности»: *англичане* → *англичанин*, *англичанка*; *молдоване* → *молдованин*, *молдованка* и др.;
- (4) «лицо по принадлежности к определенному духовному или социальному (со)обществу, организации, союзу и т. п.»: *христиане* → *христианин*, *христианка*; *мусульмане* → *мусульманин*, *мусульманка*; *мещане* → *мещанин*, *мещанка*; *дворяне* → *дворянин*, *дворянка* и др.

В современных славянских языках для образования таких бинарных наименований могут использоваться и другие, уже специализированные впоследствии, суффиксы, ср.: суффикс *-ец* в русском языке со специализированным частным словообразовательным значением «лицо по принадлежности» при образовании наименований лиц мужского пола от основ существительных [Mengel 1997]: *комсомол* → *комсомол-ец*, *комсомол-к-а*; или суффикс *-ыня* с тем же значением при образовании наименований лиц женского пола (см.: *баре* → *бар-ин*, *бар-ыня* и др.).

Формирование новых суффиксов для обозначения лиц женского и мужского пола расширяет возможности образования параллельных наименований, равным образом характеризующих как мужчин, так и женщин по определенным общим критериям, от основ всех основных частей речи: прилагательного — «лицо, как носитель признака»,

ср.: русск. *старый* → *стар-ик* (м. п.), *стар-уха* (ж. п.); *молодой* → *мóлод-ец* (м. п.), *мóлод-уха*, *мóлод-ица* (ж. п.) и др.; существительного — «лицо, характеризующее предмет (в широком смысле слова)», ср.: русск. *ист(ина)* → *ист-ец* (м. п.), *ист-ица* (ж. п.) и др.; глагола — «лицо по характерному действию», ср.: (др.-)русск. *ведати* ‘знать’ → *вед-ьць*, *вед-унь* (м. п.), *вед-ьма* (ж. п.); русск. *петь* → *пев-ец* (м. п.), *пев-ица* (ж. п.); *шить* → *швец* (м. п.), *швея* (ж. п.); *торговать* → *торгов-ец* (м. п.), *торгов-ка* (ж. п.), *продавать* → *продав-ец*, *продав-щик* (м. п.), *продав-щица* (ж. п.) и др.

Такие наименования лиц мужского и женского пола, как и бинарная модель их образования от общей производящей основы, по-прежнему широко распространены и остаются продуктивными в современных славянских языках.

С точки зрения словообразовательной семантики мы имеем здесь дело с производными существительными с общим *мутационным словообразовательным значением* «лицо» и частными словообразовательными значениями лица. Это в равной степени относится как к производным, обозначающим мужчин, так и к производным, обозначающим женщин. Специальные значения «женскости» или «мужскости» здесь не выражены эксплицитно; указание на обозначение лица женского или мужского пола дается формально суффиксами, в определенной степени специализированными на обозначение лиц женского или мужского пола, и соответствующей флективной парадигмой.

В этом плане приходится не согласиться с мнением ученых, утверждающих, что наименования женщин, т. е. феминативы, актуализируют (или несут в себе) исключительно *модификационное словообразовательное значение* «женскости» (см. Введение).

Обратимся теперь к наименованиям женщин и мужчин, находящимся в отношениях производности, таким, как ст.-сл. *кѣназъ* (< *kǫpǫngǣz) → *кѣназ-ьни* ‘жена князя’. О древности отношений производности свидетельствует в этом примере отсутствие рефлекса второй палатализации заднеязычных согласных в наименовании лица женского пола (*кѣназьни*), которое появилось еще до того, как второй палатализации подвергся [g > z'] после [e < ĭn] в производящей основе (*кѣназъ*). Несет ли здесь наименование лица женского пола (*кѣназьни*) исключительно модификационное словообразовательное значение «женскости»? Вне всякого сомнения можно в любом случае утверждать, что в нем актуализируется значение «лицо по принадлежности». Кроме жены у князя имелись еще дети, наименования которых также образованы от производящей основы *кѣназъ* → *кѣназ-ичь*

‘сын князя’, *кѣнажъ-ьна* ‘дочь князя’ (они тоже древнего происхождения и возникли до второй палатализации, на что указывает представленный в них рефлекс первой палатализации: изменение [g > ž'] перед гласными переднего ряда [i] и [ь]). Оба образования также актуализируют значение «лицо по принадлежности», которое прецизируется в производном *кѣнажъна* как «лицо женского пола» и в производном *кѣнажичь* как «лицо мужского пола». Т. е. модификационное словообразовательное значение («лицо» → «лицо по принадлежности») во всех трех случаях (*кѣнагыни*, *кѣнажъна*, *кѣнажичь*) оказывается составным, а на примере производного *кѣнажичь* мы видим, каким образом выражается значение «мужскости», связанное здесь с суффиксом *-ичь*. Наименования лиц женского (*кѣнагыни*, *кѣнажъна*) и мужского (*кѣнажичь*) пола и в данном случае параллельно образованы от общей производящей основы (*кѣназь*), и значения «женскости» и «мужскости» в них тоже представлены имплицитно и связаны с суффиксами в определенной степени специализированными на обозначение лиц женского или мужского пола.

2. Выражение значений «женскости» и «мужскости».

Возможное разъяснение вопроса

Обратимся теперь к примерам типа: русск. *великая российская царица Екатерина II*, *российская императрица Екатерина Великая*. Наименования лица женского пола (*царица*, *императрица*) состоят здесь также в отношениях производности (как *кѣназь* → *кѣнагыни*) с соответствующими существительными мужского рода, ср.: (нем. *kaiser* > ст.-сл. *цѣсарь* >) *царь* → *цар-ица*, *император* → *императр-ица*, но не указывают на принадлежность к названному в производящей основе лицу: они обозначают, так сказать, «правителя женского пола». Актуализируют ли эти наименования эксклюзивно модификационное словообразовательное значение «женскости»? Выступающие в качестве производящей основы существительные мужского рода *царь* и *император* обозначают в данном случае, по нашему убеждению, вовсе не «лицо мужского пола», а определенную «должность» или «профессию». Так же следует понимать употребления типа: *новым министром культуры назначена Татьяна Александровна Иванова*; *за заслуги в науке Антонине Поликарповне Петровой присвоено звание академика*; *новый роман Н.Н. не рекомендуется читателям моложе 16 лет*, где существительные мужского рода *министр*, *академик*, *читатели* тоже не обозначают конкретных лиц мужского пола, но являются

наименованиями должности, звания или действующего субъекта вообще (*nomen agentis*) — понятий, отражающих более высокую степень абстракции. Эти должности, профессии, звания могут занимать, исполнять и носить как мужчины, так и женщины, так же, как лица обоих полов могут выступать в роли действующего субъекта. Чтобы подчеркнуть в этом плане отсутствие принуждающей зависимости между грамматическим родом и биологическим полом, стоит заметить, что сами абстрактные понятия «профессия» (ж. р.), «должность» (ж. р.), «звание» (с. р.), «субъект» (м. р.) могут быть обозначены в славянских языках существительными всех трех грамматических родов.

В случае необходимости уточнить пол конкретного лица, исполняющего профессию, занимающего должность и проч., от наименования профессии, должности и проч. как производящей основы могут быть образованы параллельные наименования лиц женского и мужского пола, аналогично тому, как это было показано выше (см. раздел 1). Именно такими наименованиями лица женского пола являются наши примеры *Екатерина II Великая — российская царица и императрица*. Открытым остается пока вопрос, как в таких случаях в современных славянских языках образуются параллельные наименования лиц мужского пола и как выражается значение «мужскости», например, в случае русск. *Пётр I Великий — российский царь и император*?

Для того, чтобы попытаться подойти к решению этого вопроса или предложить его возможное решение, необходимо вернуться в более ранний период развития славянских языков.

Занимаясь изучением однокорневых существительных со значением лица в языке Древней Руси XI–XIV веков по «Материалам для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и по Картотеке словаря древнерусского языка XI–XIV веков, хранящейся в Институте русского языка им. В. В. Виноградова в Москве [Менгель 1985], я столкнулась с «загадочным» феноменом — образованиями мужского рода со вторичными суффиксами, типа: (*дълати* → *дълатель* → *дълатель-никъ*, *дълател-инъ*; (*писати* → *писа-тель* → *писатель-никъ*, (*обитати* →) *обита-тель* → *обитатель-никъ*; (*рыба* →) *рыб-арь* → *рыбар-инъ*; (*ловити* →) *лов-чи* → *лов-чанинъ*; (*жити* →) *жи-тель* → *жител-инъ*; (*жлати* →) *жля-тель* → *жлател-янинъ* и др. Т. е. мною были обнаружены однокорневые существительные мужского рода, находящиеся в отношениях производности, где в производном, как казалось, вторичным суффиксом дублировалось

словообразовательное значение, представленное уже суффиксом производящей основы. Б. А. Успенский [Успенский 1984: 47] считал, что такие «дублеты», как *«любодѣи → любодѣиць <...>»* противопоставлены не семантически, а стилистически и второе «производное слово <...>» является как бы специфически книжным». Наш первоначальный анализ этого феномена позволил в определенной степени согласиться с мнением Успенского и квалифицировать вторичные суффиксы как семантически опустошенные. Тем не менее, мы констатировали, что почти половина всех рассмотренных нами суффиксов могла выступать в качестве вторичных и общее количество зафиксированных «дублетов» оказалось отнюдь не малым.

Заданный в контексте доклада о феминативах вопрос о том, как выражается значение «мужскости» (см. Введение), заставил меня еще раз задуматься над давно оставленной, но не забытой и не решенной проблемой вторичных суффиксов в древнерусском языке.

Результат повторно проведенного обследования позволяет, как нам представляется, сделать вывод, что такие вторичные суффиксы могли присоединяться к формирующимся в этот исторический период развития наименованиям профессий, функций и проч., обозначаемых существительными мужского рода, в том случае, если существовала информативная необходимость уточнить мужской пол лица, исполняющего профессию, функцию и проч. Т. е. так же или параллельно тому, как это происходило при уточнении женского пола лица и было показано выше (см. *царица, императрица*).

Продемонстрируем наш вывод на следующем примере из «Изборника Святослава 1073 года», где интересующие нас наименования со вторичными суффиксами и без них находятся в пределах нескольких страниц, т. е. первые не могут указывать на их «специфическую книжность», как считал в свое время Успенский, ср.:

др.-русск./ст.-сл. *«Мы **властеле** ѹсмь помыслоу възгаражитоуся (л. 60); **Иавь** естъ яко **властелинъ** естъ страстьмь помыслъ (л. 61); Не бо ѹстъ власти рече развь отъ Ба. что елеши то всакъ ли **властеланинъ** о(тъ) Ба поставляеться (л. 97)»* (цит. по [Срезневский 1989: I, 270–271]).

Если в первом контексте (л. 60) существительное мужского рода *властель* обозначает общее наименование деятеля или функции — ‘властителя помыслов, правителя’ (ср. также в Остромировом евангелии 1056–1057 гг.: *«Азь члкъ ѹсмь подъ **властели** оучинень, л. 87, цит. по [Срезневский 1989: I, 292]»,* то во втором (*властел-инъ*, л. 61)

и особенно в третьем (*властел-анинь* л. 97) контекстах явно просматривается значение конкретного лица мужского пола, выполняющего эту функцию. Для его обозначения к наименованию *властель* с общим значением функции (деятеля, профессии) «добавлены» суффиксы *-инь* и *-анинь*, характерные для образования наименований лиц мужского пола. В говорах современного русского языка зафиксировано параллельное обозначение конкретного лица женского пола от производящей основы *властель/волостель* (с выше названным «общим» значением) → *волостель-ша* ‘госпожа’. Об этом конкретном значении, свидетельствует и тот факт, что в Словаре Даля *волостель* и *волостельша* даются как синонимы к *господин* и *госпожа* [Даль 1956: I, 213], которые образованы от общей производящей основы *господь* со значением ‘деятеля или функции’ → *господ-инь* ‘лицо мужского пола’, *госпож-а* (< *gospod-j-a) ‘лицо женского пола’.

Таким образом, суффиксы, специализированные на обозначение лиц мужского пола, использовались в качестве вторичных, по всей видимости, как показатели «мужскости» или выражали значение «мужскости», которое в этом случае следует считать *мутационным словообразовательным значением* («профессия» → «лицо») аналогично тому, как это представлено в рассмотренных выше наименованиях лиц женского пола.

Наше предположение о таком употреблении вторичных суффиксов подкрепляется также наблюдениями, что самым продуктивным вторичным суффиксом являлся суффикс *-ин-* с его индифферентным значением единичности (см. выше раздел 1: *граждане* → *граждан-инь*, *граждан-к-а*).

В ходе исторического развития в подобного рода наименованиях лиц мужского пола, образованных от названий профессий, функций и проч., где как производящее, так и производное были выражены производными существительными мужского рода, вторичный суффикс мог постепенно ощущаться как избыточный. С утратой, например, производящей основы, обозначавшей профессию, функцию и проч., эти образования могли семантически переосмыслиться как ее замена, ср.: русск. *властелин* ‘*princers*’ при утрате в литературном языке первоначального *властель*, и, наоборот, наименования профессии, функции и проч. могли по-новому осознаваться как наименования конкретного лица мужского пола, как это произошло в русских говорах, где, как было показано, *волостель* соотносится с *волостельша* как конкретное лицо мужского пола с конкретным лицом женского пола аналогично *господин* : *госпожа*. Рассматриваемые наименования

со вторичным суффиксом могли приобретать и иные конкретные значения, ср.: русск. *властельникъ* 'представитель одной из ересей в христианстве', или же полностью утрачиваться под действием лингвистического закона экономии языковых средств, ср.: *властелянинъ*.

Параллельные наименования лиц женского пола, образованные от существительных мужского рода, обозначающих профессию, функцию и проч., сохранялись и продолжали оставаться продуктивными. Помимо того, что в них отсутствовал «конфликт» двух «мужских» суффиксов, такие образования могли поддерживаться (и зачастую переосмысляться как таковые) продуктивными образованиями, в которых «женский» суффикс кроме значения «лицо женского пола» актуализировал также модификационное значение «лицо по принадлежности» (см. выше *кѣназь* → *кѣнагыни*).

Сохранилась, по нашему убеждению, и бинарная модель параллельного образования наименований лиц мужского и женского пола от общей производящей основы, причем не только в рассмотренных в случаях (см. выше раздел I: *комсомол* → *комсомол-иц*, *комсомол-к-а*), но применительно к параллельному образованию наименований мужчин и женщин от наименований профессий, функций и проч., обозначенных существительными мужского рода.

Возьму на себя смелость предложить с диахронной точки зрения объяснение, как эта модель функционирует, по нашему мнению, в современных славянских языках.

Под действием закона открытого слога, вступившего в силу в праславянском языке и требовавшего перестройки слоговой структуры по принципу восходящей звучности, в том числе упрощения групп согласных, и особенно после падения редуцированных гласных *ъ* и *ь* (сохранившихся в истории русского языка до XII–XIV веков) в языковых системах славянских языков возникли и получили развитие нулевые морфемы — материально не выраженные носители языковых значений. Помимо широко употребительных нулевых флексий в парадигме склонения, ср.: русск. *стол-∅* (им. п. ед. ч. — нулевое окончание; *stolъ* > *stol*), *стол-а* (род. п. ед. ч. — окончание *-а*); *стран-ы* (им. п. мн. ч. — окончание *-и*), *стран-∅* (род. п. мн. ч. — нулевое окончание; *stranъ* > *stran*) и т. д., к ним относятся и нулевые морфемы других уровней, например, суффиксы, ср.: русск. *неть* (инфинитив) → *не-л-∅* (прошедшее время ед. ч. муж. р. — суффикс *-л-*, нулевое окончание; **pě/-l-ъ* > *pel*), ср. *не-л-а*; *нести* (инфинитив) → *нѣс-∅-∅* (прошедшее время ед. ч. муж. р. — нулевой суффикс, нулевое окончание; **ne/s-l-ъ* > *nesl* > *nes* [**sl* > *s* в конце слога] > *n'os*, [*e* > *o*

в закрытом слоге под ударением в русском языке]), ср. *нес-л-а*; *печь* (< *pekti, инфинитив) → *пѣк-Ѡ-Ѡ* (прошедшее время ед. ч. муж. р. — нулевой суффикс, нулевое окончание; **pe/k-l-ъ* > *pekl* > *pek* [*kl > *k* в конце слога] > *p'ok*), ср. *пек-л-а* и др. Таким образом, материально не выраженные (нулевые) морфемы стали и являются неотъемлемой характеристикой языковой системы славянских языков и полноправными «законными» носителями языковых значений на различных языковых уровнях.

В современных славянских языках нулевые суффиксы присутствуют и на уровне словообразования, например, в случаях редеривации, ср.: русск. *дояр-к-а* → *дояр-Ѡ*, где нулевой суффикс является носителем значения «лицо мужского пола» в отличие от суффикса *-к-* в производящей основе со значением «лицо женского пола».

В этой связи аналогично приведенному примеру наименования лиц мужского пола, которые образованы от наименований профессий, функций, должностей, званий, общего наименования деятеля (*nomen agentis*) и проч., выраженных существительными мужского рода, следует, по нашему убеждению, считать производными с нулевым суффиксом, который несет семантическую нагрузку или значение «лицо мужского пола» параллельно значению «лицо женского пола» у материально выраженных суффиксов в параллельных наименованиях лиц женского пола. Т. е. диахронному положению вещей типа: ст.-сл. (*писати* →) *писатель*, «*nomen agentis*», позднее «профессия» → *писатель-никъ* «лицо мужского пола», выполняющее действие, профессию, названные производящей основой», *писатель-ница, «лицо женского пола», выполняющее действие, профессию, названные производящей основой», в современном языке с синхронной точки зрения соответствует: русск. (*писать* →) *писатель* «профессия» → *писатель-Ѡ* «лицо мужского пола», выполняющее профессию, названную производящей основой», *писатель-ница*, «лицо женского пола», выполняющее профессию, названную производящей основой».

Таким образом, на вопрос о том, как и чем выражается значение «мужскости» при наличии значения «женскости», эксплицитно выражаемого определенным формантом, я посмею предложить следующий ответ: в современных славянских языках значение «мужскости» выражается преимущественно нулевым суффиксом (хотя не только). При этом значение «мужскости», как и значение «женскости», не является, по нашему мнению, сугубо модификационным.

Наиболее часто значения «женскости» и «мужскости» актуализируются как *мутационное словообразовательное значение* в комбинации

с общим словообразовательным значением «лицо», ср. примеры выше: *царь*, *император* (непроизводные заимствованные существительные мужского рода), «должность», правитель' → *цар-ица*, *императр-ица* 'лицо женского пола, занимающее должность правителя', *царь-ø*, *император-ø* 'лицо мужского пола, занимающее должность правителя'; аналогично — *блогер* 'профессия' → *блогер-ø* 'лицо мужского пола по профессии', *блогер-к-а* 'лицо женского пола по профессии' (а также возможные *блогер-ица [ср. *мастер* → *мастерица*], *блогер-иха [ср. *ткач* → *ткачиха*], *блогер-есса [ср. *поэт* → *поэтесса*], *блогер-ша* [ср. *волость* → *волостьша*]). Как **модификационное словообразовательное значение** значения «мужскости» и «женскости» проявляются в комбинации с частным значением лица, например, «лицо по принадлежности», ср. выше раздел I: *кѣназь* → *кѣнаж-ичь*, *кѣна-гыни*, *кѣнаж-ьна* или аналогично — например, отчества в русском языке: *Петр* → *Петров-ич*, *Петров-на*.

ЛИТЕРАТУРА

АГ 1980: Русская грамматика. М.: Академия наук СССР, 1980.

Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект. 2019, 43 (11). С. 6–22.

Григоренко О. В. Неологизмы-феминативы в русском языке конца XX — начала XXI вв. В: *СТЕФАНΟΣ: Сборник научных трудов*. Воронеж, 2008. С. 33–41.

Гурьянова С. Феминитивы. Взгляд филолога // Сноб (информационное пространство), 2019. URL: <https://snob.ru/profile/32168/blog/158103/>.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (репринт 2-го изд.). М., 1956.

Кривошеина В. А. Феминитивы в современных языковых практиках // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. М., 2019. С. 146–153.

Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словообразование // Русская грамматика. Москва: Академия наук СССР, 1980. С. 200–204.

Менгель С. А. Виды отношений между однокорневыми существительными со значением лица в древнерусском языке XI–XIV вв. Канд. дисс. (на правах рукописи). М., 1985.

Новицка Б. Феминативы с суффиксом -к(а) в новой русской лексике // *Studia rossica posnaniensia*. 2006, (33). Poznan, pp. 73–76.

Пристайко Т. С. Феминитивы в аспекте неологии (на материале наименований женщин по роду деятельности в русском языке) // Вісник

Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство. 2017, 23(1)25. С. 144–155.

Самойленко Н. С., Стеклєнаєва А. А. Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2 (33). С. 126–132.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. (2-е изд. репринт). М., 1989.

Błaszowska H. Weibliche Personenbezeichnungen im Deutschen und Polnischen aus der Sicht der feministischen Sprachkritik. *Dysertacje Wydziału Neofilologii UAM w Poznaniu*, 5. Poznań, 2016.

Diewald G., Nübling D. Genus und Sexus: Es ist kompliziert. *Neue Züricher Zeitung* vom 17. Dezember 2020. Available at: <https://docplayer.org/201160324-Genus-und-sexus-es-ist-kompliziert.html>

Fischer G. *Grenzen gendergerechter Sprache*. Wien, 2014. Available at: https://slawistik.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/i_slawistik/Forschung/Fachdidaktik/Forum/44_Grenzen_gendergerechter_Sprache.pdf.

Hajnal I. *Feministische Sprachkritik und historische Sprachwissenschaft. Die unterschiedlichen Sichtweisen der Kategorie Genus in Syn- und Diachronie*. Innsbruck, 2002.

Małocha-Krupa A. *Feminywum w uwikłaniach językowo-kulturowych*. Wrocław, 2018.

Markežič T., Stramljič Breznik I. *Feminativi v slovenskem jeziku*. Maribor, 2021.

Mengel S. *Wege der Herausbildung der Wortbildungsnorm im Ostslawischen des 11.–17. Jahrhunderts*. Frankfurt am Main u.a., 1997 (Berliner slawistische Arbeiten, Bd. 2).

Mengel S. Besonderheiten der slawischen Wortbildung unter sprachhistorischen Aspekten. *Slawische Wortbildung im Vergleich: Theoretische und pragmatische Aspekte*. S. Mengel (Hg.). Berlin, 2014, pp. 104–128. (Slavica Varia Halensia, Bd. 12).

Mengel S. 115. Historical word-formation in Slavic. *Handbook Word-Formation*, vol. 3. Berlin–Munich–Boston, 2015, pp. 2021–2041. (Handbooks of Linguistics and Communication Science — HSK, Bd. 40.3).

Mengel S. Derivation als Spezifikum der Wortbildung im Slawischen. Versuch einer Erklärung aus sprachhistorischer Sicht. *Sprachgeschichte und Sprachwandel im Slawischen. Festschrift für Jadranka Gvozdanović*. A. Bierich, Th. Bruns (Hg.). Berlin, 2019, pp. 185–203. (Trierer Studien zur Slavistik, Bd. 6).

Mengel S. О гендерной проблематике в русском языке: новообразования последних лет и диахронный аспект. *Slovanská slovtvorba. Synchronia, inovácie, neologizácia*. M. Ološtiak, L. Liptáková, K. Bednárová-Gibová (eds.). Prešov, 2022, pp. 35–56.

Miemietz B. *Motivation zur Motion: Zur Bezeichnung von Frauen durch Feminina und Maskulina im Polnischen*. Frankfurt am Main, 1993.

Pohl H.-D. Zum feministischen Sprachgebrauch („Gendern“) im Deutschen (insbesondere in Österreich). *Germanica Wratislaviensia*, 2016, p. 140. Wrocław, 285–304 (Acta Universitatis Wratislaviensis, 3715).

Schröder B. *Das Genus-Gefälle. Zur grammatischen Kategorie Genus und ihren gesellschaftlichen Wechselwirkungen*, 2019. Available at: https://www.researchgate.net/publication/332173612_Das_Genusgefalle_Zur_grammatischen_Kategorie_Genus_und_ihren_gesellschaftlichen_Wechselwirkungen.

Słownik 2001 — G. Kowalowa, I. Mitrofanova. *Słownik polsko-rosyjski i rosyjsko-polski. Польско-русский и русско-польский словарь*. Moskwa, 2001.

Toporišič Jo. *Slovenski knjižni jezik*. Maribor, 1966.

Vidovič Muha A. Prvine družbene prepoznavnosti ženske prek poimenovalne tipologije njenih dejavnosti, lastnosti. *33. seminar slovenskega jezika, literature in kulture*. A. Derganc (ur.). Ljubljana, 1997.

Waszakowa K. Wybrane aspekty integralnego związku derywatu słowotwórczego z aktem komunikacji (na przykładzie nazw żeńskich). *Słowotwórstwo w przestrzeni komunikacyjnej*. P. Kowalski (ed.). Warszawa, 2021, pp. 343–369. (Prace Slawistyczne. Slavica, 15)

Zifonun G. A., Drewnowska-Vargáné E. Die sprachliche Sichtbarkeit der Geschlechter. Genus und Sexus im Deutschen und Polnischen. „*vnd der gieng treulich, weislich vnd mündlich mit den sachen vmb*“: *Festschrift für Péter Baszola zum 75. Geburtstag*. E. Drewnowska-Vargáné et. al. (eds.). Szeged, 2019, pp. 138–170. (Acta Germanica, 15).